

Принципы переводных соответствий и моделирования перевода¹

Алиреза Валипур^{*}

Доцент кафедры русского языка Тегеранского университета, Иран.

Юрий Николаевич Марчук^{2**}

Профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания
Филологического факультета МГУ

(дата получения: 20/10/2008, дата подтверждения: 29/11/2008)

Краткое содержание

Проблема теории перевода разработана далеко не удовлетворительно, и сих пор отсутствует полная ясность по таким кардинальным вопросам, как предмет теории перевода, научный метод этой дисциплины и ее место среди других отраслей лингвистической науки. Перевод есть вид человеческой языковой деятельности, в результате которой некоторый текст на одном языке ставится в соответствие тексту на другом языке, при этом обеспечивается их смысловая эквивалентность. Говоря о переводе вообще, мы также будем различать, в тех случаях, когда это необходимо, перевод как процесс и перевод как предмет, т. е. результат процесса. Теория перевода как особая лингвистическая дисциплина возникла сравнительно недавно, примерно в начале 50-х годов. Сегодня многие лингвисты, в том числе и занимающиеся фундаментальными проблемами перевода, скептически относятся к положению о том, что теория перевода есть самостоятельная лингвистическая наука. Тем не менее, в значительной мере трудами русских лингвистов обоснована стройная теория перевода, которая в настоящее время получила широкое признание и успешно развивается.

Ключевые слова: перевод, анализ, моделирование, синтез, переводные соответствия.

1. Based on the research plan "Research and study in applied linguistics: Achievements of modern Russia" financially supported University of Tehran.

* Тел: 021- 61119016, Факс: 021- 88634500, e-mail: alreva@ut.ac.ir

2. 119899, Москва, ГСП-3, В-234, Ленинские Горы, МГУ, 1-й гуманитарный корпус, филологический факультет, к.956, тел. (495) 939-16-33.

** e-mail: marchuk4346083@mail.ru

Введение

Проблема переводов с одного языка на другой всегда стояла чрезвычайно остро. За последнее время значительно повысился интерес к переводу как к лингвистической дисциплине.

В свое время высказывалось мнение о том, что, поскольку практика перевода пользуется данными многих наук, она не может иметь собственной теории. Такая точка зрения, естественно, не вызвала сочувствия у теоретиков перевода. И в самом деле, тот факт, что та или иная дисциплина использует данные смежных наук, еще не опровергает правомерности ее существования. В настоящее время едва ли можно назвать хоть одну дисциплину, которая не привлекала бы данных других наук. И в то же время вопрос о праве их на самостоятельное существование не возникает. Причина этого кроется прежде всего в том, что все эти науки имеют свой ясно очерченный объект исследования. Сторонники лингвистической теории перевода утверждают, что такой объект имеется и у их дисциплины - им является закономерность в соотношении двух языков. (Швейцер, 1963, с.11).

В современном языкознании моделирование лимитировалось разработкой безупречных моделей лингвистического объекта. Для осуществления этого предъявлялось два требования — последовательность и непротиворечивость выделения существенных свойств лингвистического объекта, с одной стороны, а с другой — способность объяснять наблюдаемые факты и предсказывать ранее неизвестные свойства объекта. Дальнейшее развитие лингвистической теории, стимулированное лингвистической практикой, особенно в области автоматической обработки текстов, требует дополнить эти два требования также и третьим, а именно: лингвистическая модель должна воспроизводить языковые и речевые объекты. Модели типа, воспроизводящего объекты, представляют собой искусственно созданные формальные системы, построение или поведение которых имитирует микроструктуру или функционирование некоторого лингвистического объекта, в зависимости от того, строение или функционирование являются целью моделирования, причем строение также

определяется функционально: строение модели имитирует строение объекта тогда и только тогда, когда воспроизводятся некоторые характеристики этого строения. Лингвистическое моделирование служит надежным способом реализации лингвистических теорий и одновременно средством проверки их строгости и жизнеспособности, чем замыкается связь между лингвистической теорией и практикой. Я. И. Рецкер выделяет три вида соответствий по следующему признаку: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариантные и контекстуальные соответствия; 3) все виды переводческих трансформаций. Между первым видом и остальными есть принципиальное отличие: первые соответствия относятся к сфере языка, остальные—к речи. Основа установления равноценности языковых средств может быть только функциональная, а не формальная. В комплексный процесс перевода вовлечено слишком много разнородных факторов, чтобы можно было устанавливать формальные соответствия на уровне речи. И хотя переводчик вынужден прибегать к помощи логики, психологии, литературоведения, все же единственная опора его работы — текст, и основа лингвистического подхода к нему—функциональные соответствия (Рецкер, 1974, 10).

1- моделирование человеческого языка во его основных функциях

Очень важно, что в концепцию перевода вошло демонстрация о моделировании. По мнению некоторых лингвистов, проблемы перевода - это прежде всего проблемы семантические, связанные с интерпретацией переводчиком содержания текста оригинала и интерпретацией рецептором (получателем) перевода содержания текста на языке перевода. Теоретики «человеческого» перевода в большинстве случаев принципиально отмежевываются от машинного перевода; однако тем интереснее выводы, к которым они приходят, когда оказывается, что многие положения общей теории перевода могут быть применены в машинном переводе. Принцип моделирования используется в теории перевода не для построения модели как

таковой, а для осознания и анализа детальной методикой происходящих в человеческом мозгу явлений, конструирующих процесс перевода.

Улучшаясь, свойство перевода, представляется необходимым и целесообразным обращать внимание на то, как именно перевод производит человек, какие последовательности мыслительных операций складывают этот процесс и приводят к желаемому результату. Как мы сказали выше некоторые лингвисты убедительно доказывают плодотворность использования в теории перевода различных методических приемов лингвистического исследования: компонентного анализа, семантических преобразований, прямых и обратных трансформаций и т.п.

Весьма значительный является вопрос о том, является ли перевод творческим процессом или он носит некоторый рутинный характер. При возникновении идеи МП разработчики существенным образом исходили из последнего, т. е. считали процесс перевода нетворческой деятельностью, в значительной мере характеризуемой поиском по словарю. Современные теоретики перевода склонны признавать принципиально творческий характер процесса перевода, а результат творчеством (Марчук 1983:32). Безусловно, типология перевода имеет к этому самое прямое отношение. Так, никто не будет спорить с тем, что перевод художественного произведения есть творчество, а перевод инвентарных списков творчеством вряд ли является. Однако безотносительно к этой типологии, а также к разделению на перевод и интерпретацию представляется бесспорным, что в переводе действуют как элементы творчества (иногда обязательные и для перевода инвентарных списков), так и элементы рутинные, присутствующие, может быть, и в переводе поэзии (например, поиск рифм).

По мнению Виноградова деятельность головного мозга, продуктом которой является перевод, возможно когда-нибудь будет разгадана усилиями специалистов различных научных дисциплин. Раскрыть эту тайну пытаются специалисты в области физиологии высшей нервной деятельности, биохимии, психофизиологии, физики и других наук. Модели процесса перевода,

предлагаемые лингвистами, строятся на основе умозрительных посылок и заключений, самонаблюдений переводчиков и т. п. Когда появляется возможность проверить эти теоретические постулаты жесткой логикой фактов, то некоторые из гипотетических построений оказываются ложными или даже спекулятивными. Все сказанное вовсе не является призывом к отказу от попыток моделирования процесса перевода, а лишь свидетельствует о необходимости еще более строгого ответственного и доказательного подхода к созданию подобных схем и описаний. Наиболее распространенными в настоящее время гипотетическими моделями процесса перевода являются: ситуативная, семантическая, трансформационная, семантико-семиотическая, закономерных соответствий, коммуникативно-функциональная, информативная, теория уровней эквивалентности и др. Рассмотрим наиболее распространенные из них. (Виноградов, 1971, с.187)

Сосредоточивая к общей теории перевода в поисках более эффективных путей моделирования процесса перевода и изучения последовательности действий человека, прежде всего определим объект и цели моделирования.

Модель должна оптимизировать соотношение между лингвистическим описанием и алгоритмом работы с ним. Абсолютная независимость алгоритма от описания и передача составления алгоритма математикам невозможны и нецелесообразны. С другой стороны, полное слияние описания и алгоритма, хотя оно технологически возможно и может дать хорошие инженерные результаты (например, высокая скорость перевода), практически нецелесообразно в связи с тем, что при этом затрудняется осуществление самого главного принципа приближенных вычислений, а именно принципа совершенствования системы по результатам перевода, пополнения словарей и таблиц и т. п. Следовательно, модель должна обеспечивать некоторое оптимальное соотношение между независимостью и зависимостью описания и алгоритма (механизма) работы с ним для целей МП.

В отличие от чисто дедуктивного подхода идея приближенных вычислений позволяет строить семантический компонент модели постепенно,

идя от текстовых проявлений семантических параметров и от некоторого исходного минимального семантического представления, необходимого для разрешения неоднозначностей принципиального характера (для начального цикла вычислений) ко все более полному набору семантических признаков, вводимых по мере возникновения в них необходимости, обусловленной требованиями разрешения все более сложных случаев неоднозначности и организации трансформационных преобразований.

Можно считать, что методы, с помощью которых при МП можно организовать постепенное обнаружение основных свойств «кода» — элементов языковой системы — взаимообусловлены и создают в совокупности особую методическую теорию, имеющую значение для названного моделирования — теорию контекстной детерминации. Со времен Соссюра целые школы занимаются описанием знаковых и текстовых структур и рассматривают их в значительной мере как единственные и основополагающие факторы языкового выражения и языковой системы. В каждом языке много явлений, таких, как полисемия, омонимия, и пр., которыми можно доказать, что многие или все «значимые» элементы сами по себе не означают ничего определенного и только в связи с другими, тоже многозначными элементами, приобретают определенное значение, по мере их детерминации контекстом. Однако примеры, показывающие, как с ростом контекста значение языкового элемента постепенно уточняется детерминациями, с логической точки зрения все же не доказывают, что отдельный элемент не обладает никаким значением. Уточнение детерминацией происходит только между элементами, которые сами по себе обладают более общим значением, чем в совокупности с другими элементами того же класса. Понятие тем конкретнее, чем большим числом понятий общего характера оно определяется, детерминируется. Каждое контекстное значение возникает за счет вариации, уточнения — в более общем виде детерминации — со стороны других элементов контекста, которые, в свою очередь, могут детерминироваться данным элементом (Panzer 1965).

В теории контекстной детерминации можно выделить две составляющие. Первая — тип восприятия контекста. Методическая сущность теории детерминации в том, что контекст воспринимается не только как последовательность символов, из которых каждый снабжен некоторой исходной информацией, извлеченной из словаря, но и как иерархически упорядоченная совокупность уровней информации, на каждом из которых существуют свои опорные точки для анализа. Эти уровни не возникают сами собой, а должны быть сконструированы (реконструированы) по тексту методами реконструкции знаковой системы.

Вторая составляющая теории контекстной детерминации — типология контекстных зависимостей. Зависимость от контекста неоднородна и оценивается дифференцированно для каждой единицы. Это положение удобно иллюстрировать контекстными зависимостями лексики, хотя оно не относится исключительно к последней. Так, есть слова, лексические значения которых полностью зависят от контекста, и есть слова, абсолютно от контекста не зависящие, хотя это видно не сразу и априорно, а лишь в некотором исходном конкордансе. Тип зависимости от контекста играет решающую роль для построения алгоритма анализа языковых явлений, который работает в условиях взаимодействия языковых уровней. Именно теория детерминации определяет порядок и следование уровней формализации, во взаимодействии с которыми языковые уровни должны обеспечить экспликацию языковых явлений, определяющих перевод (Марчук 1996.32).

Составляющие теории контекстной детерминации, особенно вторая, имеют смысл только применительно ко всему спектру языковых явлений, подлежащих переводу. Поясним это на примере типологии контекстных зависимостей. Если мы определили, что такое-то многозначное слово имеет такую-то степень зависимости от контекста, которая описывается определенным набором средств, то это еще ничего не дает для возможности инженерного описания и применения этого описания к разрешению лексической многозначности. Однако если в пределах всего корпуса текстов

для всех отмеченных в этом корпусе многозначных слов проведена классификация типов контекстных зависимостей, это позволяет строить специальный аппарат разрешения лексической неоднозначности уже с определяемой эффективностью. Комплексное — на всем рассмотренном корпусе слов—решение проблемы делает также возможной и эффективной стыковку решений с алгоритмами, производящими другие виды обработки, так или иначе связанные с лексическими. Точно так же грамматика подязыка может быть задана списка грамматических конструкций.

Дифференцированность зависимости от контекста позволяет принимать статистические решения для определенного числа случаев слабой контекстной зависимости, где от контекстной детерминации возможно перейти к общему значению. Здесь возникает естественный для прикладных методов вопрос о соотношении статистических и детерминистских методов.

В реконструкции языка как знаковой системы статистические методы дают лишь самые общие результаты; к числу задач, решаемых на уровне статистики звуков, букв и графем, а также двух-, трех- и четырехбуквенных сочетаний, относятся, например, разбивка слитного текста на слова, установление типа языка и т. п.¹⁴ Можно согласиться с Р. Г. Пиотровским в том, что «широко проводимые сейчас работы по статистике и комбинаторике букв, буквосочетаний и слогов дают мало сведений о механизме текстообразования. Гораздо большую ценность для лингвистики текста и инженерной лингвистики представляют статистические исследования в области комбинаторики значащих единиц текста» (Пиотровский 2003, 181). Комбинаторика значащих единиц, которая, в частности, описывает совместную встречаемость двух или более элементов текста, может служить основанием для следующего шага, а именно определения степени и характера детерминации, существующей между совместно встречающимися элементами. Здесь можно квалифицировать детерминацию по содержательному признаку.

Детерминация проявляется, таким образом, как в количественной, так и в качественной стороне. Статистические сведения о комбинаторике значащих

единиц текста (например, слов и сочетаний слов) играют определенную роль в оценке целесообразности того или иного вида анализа применительно к данному языковому явлению.

По Б. Певзнеру, можно различать три вида детерминации. Первый — автоматическое сочетание двух элементов — состоит в том, что за одним элементом с необходимостью следует другой (так, если говорящий по-латыни употребил слово *sine*, он должен затем употребить аблатив, у него нет выбора). Здесь имеет место абсолютная детерминация. Второй вид детерминации — возможность сочетания со многими элементами без изменения значения. Третий — возможность сочетания со многими элементами с изменением значения; например, латинское *consulere amicum* означает 'просить совета у друга', а *consulere amico* — 'заботиться о друге'. Здесь падежная функция релевантна для понимания значения.

В первом случае мы имеем управление и функциональную релевантность, во втором — свободную иррелевантность и в третьем — функциональную релевантность. Распределение по этим трем рубрикам следует за установлением сочетаемости с учетом идентичности значения сочетания. Таким образом, наблюдение за употреблением в языке, которое позволяет выделить все формальные типы, все же недостаточно. На вопрос о релевантности можно ответить только после определения вида и степени зависимости. Это означает, что мы приходим к типу релевантности только после определения вида и степени взаимозависимости. Последний определяется эмпирически (Panzer 1965).

Массовость явления служит показателем, с помощью которого можно ориентировочно определить цену затрачиваемых усилий, что важно для приближенных методов, а также величину относительной ошибки. Статистические характеристики элементов, вступающих между собой в отношения детерминации, также позволяют ранжировать алгоритмы анализа, базирующиеся на этих элементах.

В определениях перевода подчеркивается, что важно не только то, «что»

выражено, но и «как» выражено. Одним из наиболее простых примеров трансляции является перевод с одного языка на другой — совокупность операций, устанавливающих соответствие между текстами, принадлежащими разным культурам. Перевод принципиально отличается от пересказа, реферата, других способов выражения «той же самой» мысли на другом языке. Эта идея является практически главной в работах теоретиков и практиков «общечеловеческого» перевода, из которых мы рассмотрим только относящиеся к последнему времени. Тот факт, что в подавляющем большинстве работ вопросы машинного перевода принципиально не рассматриваются, делает высказывания о переводе как бы более объективными. Следует также отметить, что хотя разбор сложных случаев трансформаций и неконгру-энтностей занимает большое место в теории перевода, чрезвычайно редко используется понятие глубинной структуры и концепция перехода от поверхностной к глубинной и наоборот. Поэтому первый вопрос: как выражено содержание в переводе? Является ли язык кодовой системой? Действительно, способ (метод) описания знаковой системы в целом и ее отдельных уровней может быть задан с позиции взгляда на язык как на разновидность кодовой системы. Теория перевода пользуется представлением о двуязычной коммуникации, когда процесс перевода описывается как коммуникативный акт. Отметим, что и теоретическая лингвистика, в тех случаях, когда речь идет о способах изучения семантического аспекта языка, обращается к представлениям теории связи. Однако принципиальная разница между языком и кодом заключается в том, что в плане выражения языковой код представляет собой сложную систему разнородных единиц, связанных между собой разнообразными отношениями и способных соединяться в высказывания только по определенным сложным правилам, а в плане содержания информация, составляющая содержание кодовых единиц, не дана заранее, а должна быть получена наблюдением за использованием знака в процессе общения и соотнесения этой информации с реальной действительностью и содержанием других знаков (Комиссаров 1973, 14). Так как переводчик не

отдает себе отчета в том, что при транслировании понятий поменялся контекст, а с ним — ассоциативные ряды и смысл исходного текста.

Согласно этим планом, процесс перевода распадается на три фазы: 1) коммуникация между отправителем и переводчиком, выступающим в функции получателя исходного сообщения; 2) мена кода исходный язык—переводящий язык, осуществляемая переводчиком, выступающим на этот раз в функции перекодировщика. Эта фаза специфична для перевода; декодируя исходное сообщение, т. е. подвергнув его анализу с помощью правил исходного языка (первого кода), переводчик преобразует информацию в знаки другого кода (переводящего языка); 3) коммуникация между переводчиком, выступающим в роли отправителя конечного сообщения и получателем этого сообщения ((Швейцер 1973с. 43). Речь идет не о тривиальном разделении процесса и предмета (процесс—сама переводческая деятельность, последовательность действий, предмет — результат деятельности, перевод как текст, представленный, например, на бумаге). Для того, чтобы процесс мог быть описан алгоритмом, требуется выделение однозначной последовательности операций, причем нужно, чтобы часть, относящаяся к алгоритму в собственном смысле, т. е. к действиям, была отделена от части, относящейся к описанию, т. е. к некоторой статической информации, а затем последняя была бы дифференцирована, с тем, чтобы на каждой ступени алгоритма было бы четко известно, какая именно информация и в каком объеме используется.

Нельзя сказать, что в современной теории перевода проведено такое разделение. Система соответствий при переводе, как правило, не отделяется от описания действий переводчика. Тем не менее создано достаточно четкое представление о последовательности действий, соотнесенных с восприятием содержания сообщения. Так, в концепции уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова существует привязка действий к статической информации следующим образом: порядок перечисления содержательных уровней в основном соответствует этапам анализа. «Начиная с идентификации языковых знаков, Рецептор последовательно уясняет содержание анализируемого текста

на уровне высказывания, сообщения, описания ситуации и приходит к пониманию содержания целого на уровне цели коммуникации. Разумеется, подобный поэтапный процесс представляет собой лишь условную схему. Он может реально существовать лишь при «расшифровке» текста, составленного при помощи мало знакомого кода. В обычном процессе коммуникации Рецептор, по-видимому, воспринимает передаваемую ему информацию комплексно, не расчленяя ее по уровням содержания» (Комиссаров 1973, 67).

Естественно, что в процессе машинного анализа допустима лишь последовательность действий, начинающаяся с некоторого начального исходного уровня и постепенно усложняющаяся. Всякий перевод есть процесс, так или иначе связанный с некоторой потерей информации: это вытекает из общей схемы перевода как коммуникативного процесса. При межъязыковом преобразовании, как и при всяком другом виде языковых преобразований, неизбежны потери, т. е. происходит неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника (Бархударов 2005, 11). Однако полная передача информации необязательна для осуществления процесса языковой коммуникации. Часто несущественная для понимания информация оказывается связанной с выбором определенных элементов языкового кода; кроме того, неполное понимание части информации является привычным и не вызывает трудностей в общении. Эти особенности перевода можно сопоставить с общими условиями обмена информацией в теории, которая рассматривает обмен информацией как взаимные изменения, происходящие в тезаурусах отправителя и получателя по сравнению с некоторым исходным состоянием этих тезаурусов: абсолютно полного понимания, согласно этой теории, произойти не может, поскольку два тезауруса, участвующие в общении, никогда не могут быть полностью эквивалентными, и речь может идти только о некоторой мере близости. Таким образом, для перевода целесообразно моделировать следующие общие закономерности, которыми описывается перевод с одного естественного языка на другой:

— в переводе должна быть обеспечена эквивалентность передачи не

только содержания, но и выражения;

— относительная ценность единиц языкового выражения не дается переводчику заранее, а выясняется, раскрывается по тексту методами, имеющими много общего с декодированием, реконструкцией знаковой системы по результатам ее действия;

— в расшифровке языкового «кода» важно разделение на предмет и процесс.

Неизбежные потери информации при переводе не влекут за собой неосуществимости акта коммуникации.

Концепция моделирования перевода с помощью переводных соответствий должна строиться с учетом этих основных закономерностей.

2- Переводные соответствия с порядком иерархии языковых уровней

Несмотря на то, что в теории перевода обобщения производятся к некоторым моделям, описывающим универсальные закономерности двуязычной коммуникации, практически в центр прикладной и иллюстрирующей стороны в подавляющем большинстве случаев выносятся вопросы о двуязычных переводных соответствиях. Это и понятно, поскольку трудно себе представить процесс языкового перевода без установления в качестве окончательного результата четких текстовых соответствий для данной пары языков и для данного текста⁷. Вопрос о речевых соответствиях является также неизбежным для любой теории и для любого способа моделирования этой теории в целях перевода, поскольку этот вопрос затрагивает уровень поверхностных структур, миновать которые, если поставлена задача на перевод, а не на другие преобразования над текстами, попросту невозможно.

В процессе перевода коммуникативная деятельность индивида протекает в сферах двух языков, причем их функции различны: исходный язык функционирует в плане реализации, а язык перевода используется в плане трансмиссии. При совпадении многих знакотипов и структур на различных уровнях - части речи, синтаксические, дистрибутивные и сочетаемостные

структуры синтагм, типы предложений и т.п. - наблюдается ряд существенных расхождений и в плане выражения, и в плане содержания, складывается такая субстанциональная метаязыковая сущность, которую именуют метаязыком перевода. Она образуется в процессе перекодирования и порождения равноязычных или относительно равнозначных отпечатков слов двух языков. Метаязык перевода является результатом сложного взаимодействия двух или более языков, входящих в состав структурной парадигмы перевода, где метаязыковая функция прослеживается то в одном, то в другом из языков. (Базылев, 2008, с.23)

Переводные соответствия суть соответствия особого рода, принципиально отличающиеся от других сопоставлений (например, в контрастивной лингвистике) тем, что в них сопоставляются не явления, занимающие сходное место в структуре языка, а явления, находящиеся в данный момент в речевом соответствии или вообще регулярно сопоставимые, эквивалентные по выражению содержания данного текста. В результате этого моделирование перевода по принципу установления соответствий должно базироваться, во-первых, на типологии соответствия, во-вторых—на решении проблемы взаимодействия уровней языка в переводе.

Функциональная классификация переводных соответствий производится в теории перевода по двум основаниям: по степени регулярности и по содержанию собственно переводческих лингвистических действий над текстом.

Примером классификации по степени регулярности может служить типология, введенная В. Н. Комиссаровым. При переводе определенной единицы можно различать постоянные, вариантные и окказиональные соответствия. При наличии постоянного соответствия задача переводчика сводится к подстановке такого соответствия в выходном языке вместо соответствующего отрезка оригинала. Для единиц, имеющих вариантные соответствия в ПЯ, переводчик выбирает вариант, наиболее точно передающий значение такой единицы в данных конкретных условиях ее употребления.

Наконец, в случае отсутствия у данной единицы каких-либо соответствий в ПЯ или невозможности использования их при построении текста перевода, переводчик, учитывая всю дополнительную информацию, передает содержание единицы оригинала совершенно новым способом, пригодным лишь для данного случая.

Термин перевод понимается сейчас как «процесс постоянной взаимной интерпретации знаков». В классификации по этому основанию имплицитно считается заданной так называемая «единица перевода». Единица перевода представляет собой одно из самых сложных понятий теории перевода. Не будучи в состоянии произвести обзор хотя бы самых общих положений относительно этого понятия, примем к сведению свидетельства теоретиков перевода о том, что отсутствие четкого и признаваемого большинством исследователей определения этого понятия не мешает практическому осуществлению перевода"; можно полагать, что есть аналогия с этим положением и с отсутствием общепринятого определения слова, которое (отсутствие) не очень затрудняет практическую работу лексикографа.

Исследователи, считающие возможным рассмотреть понятие единицы перевода, отмечают прежде всего ее варьируемость и вследствие этого неопределенность понятия. «Думается, что само понятие «единица перевода» представляет собой противоречие в терминах прежде всего потому, что любая единица—это постоянная величина, тогда как так называемая «единица перевода» по определению является величиной переменной. ... Величина минимальных переводимых отрезков (а последние действительно заслуживают внимательного рассмотрения в теории перевода, хотя и никак не подпадают под категорию единиц) определяется сложным взаимодействием внутрилингвистических и внелингвистических факторов, а порой может зависеть и от чисто случайных обстоятельств (например, от расстояния между данным словом и другой единицей, уточняющей его значение)» (Швейцер 1973, 71—72). Л. С. Бархударов отмечает разноуровневость единиц перевода: на каждом уровне—фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений,

текста—могут быть свои единицы перевода и в соответствии с этим можно определять перевод как перевод на уровне фонем, слов, словосочетаний, текста и пр. (Бархударов 1975, 174—176). Д. Радо, постулируя творческий характер всякого перевода, в качестве единицы перевода вводит «логему» (Rado 1979), в результате чего возникает некоторое противоречие, ибо логика вроде бы противопоставлена творчеству.

Очевидно, что, с одной стороны, нужна некоторая единица, в терминах которой можно было бы так или иначе описывать переводные соответствия, некоторая мера. С другой стороны, признается, что многоуровневость процесса перевода, гибкость и подвижность переводных соответствий не дают возможности определить указанную величину достаточно точно для того, чтобы можно было пользоваться понятием «единица».

Ясно, что в большинстве случаев существует некоторый способ регулировать понятия «единица перевода» и «переводное соответствие», явно находящиеся между собой в тесной связи. Будем рассматривать статику и динамику переводческого процесса. Примем, что есть некоторые исходные данные, описанные в терминах теории перевода, так сказать, переводные исходные данные, и есть некоторый процесс перевода, или алгоритм, который определен над этими данными. Тогда мы можем сказать, что некоторое переводческое описание относится к статике, или к исходным данным, а другое—к процессу, или к динамике. В этом случае можно считать «единицей перевода» (= «минимальным переводимым отрезком») некоторый языковой элемент, участвующий в переводе в качестве исходной информации. Так, мы можем рассматривать единицы перевода, принадлежащие разным языковым уровням и т. п. согласно концепции Л. С. Бархударова. Единицы перевода будут выступать в новом аспекте, когда они участвуют в переводе как процессе. Этот процесс заключается в установлении переводных соответствий в рамках данной пары языков. Переводное соответствие, вообще говоря, элемент непрочный, возникающий только в данном тексте в рамках данной конкретной задачи на перевод. Если единицу перевода можно задать в

некотором словаре, или в устройстве, принципиально от словаря не отличающемся, то переводное соответствие есть текстовое образование, его нет смысла задавать в словаре, поскольку от текста к тексту оно может меняться.

Переводное соответствие, таким образом, можно понимать как единицу перевода, взятую в динамике переводческого процесса, реализуемую в условиях конкретного перевода конкретного текста в рамках данной пары языков.

Именно каждый переводчик зачастую интуитивно строит логическую цепь информации, переходя от одной языковой системы к другой. При этом ему нужно выбрать необходимую информацию - это справедливо для переводчика как устной, так и письменной речи - первичного текста и воспроизвести ее в конечном тексте.

Заключение

В заключение суммируем требования, которым должна удовлетворять общая структура модели. Есть основания моделировать переводческую деятельность человека целиком, т. е. от распознавания слов до синтеза выходного предложения и выходного текста. Если рассматривать текст, как источник информации, считаем необходимым исследовать перевод не только как посредник между двумя языковыми системами, а как особый когнитивный процесс. Модель должна, таким образом, иметь последовательность этапов анализа и синтеза, каждый из которых базируется на некоторой исходной информации и дает в качестве выхода информацию следующей ступени. Если единицу перевода можно понимать как некоторую обобщенную переводческую сущность, отнесенную, например, к единице перевода некоторого эталонного языка, то переводное соответствие есть единство в рамках двух естественных языков. Как и единица перевода, оно может быть многоуровневым, т. е. затрагивать разные языковые уровни. Кроме того, в последнем случае может не быть уровня соответствия, т. е. например,

соотношение уровней в переводном соответствии может быть разнообразным. Например, в трансформационном соответствии единица перевода на синтаксическом уровне может затрагивать также и семантические или морфологические преобразования в выходном языке и т. п.

Литература

- Базылев В. Н. *Семиотическая модель перевода* - Политическая лингвистика. - Вып. 1(24). - Екатеринбург, 2008. - С. 115-118)
- Бархударов Л. С. *Язык и перевод*.—М.: Международные отношения, 2005.—239 с.
- Виноградов В. С. *Введение в переводоведение*-общие и лексические вопросы. М.: Наука, 1971.— 437 с.
- Комиссаров В. Н. *Слово о переводе*. М.: ИМО, 1973.—237 с.
- Марчук Ю. Н. *Вычислительная лексикография*. – М.: ВЦП, 1996. – 183 с.
- Марчук Ю. Н. *Синтактико-семантический анализ в системе машинного перевода АМПАР*. – т.5 – М.: ВИНТИ, 1983.
- Марчук Ю. Н. *О моделировании перевода*.—Вопросы информационной теории и практики. – № 43 – М.: ВИНТИ, 1980.
- Певзнер Б. Р. *Влияние неразличения омонимии на уровень поискового шума*.—НТИ, сер. 2, 1973, № 10. с. 15—20.
- Пиотровский Р. Г. *Текст, машина, человек*.—Л.: Наука, 2003.—327 с. 8-
Пиотровский Р. Г. *Инженерная лингвистика и теория языка*.— Л. Наука, 1979.— 211 с.
- Рецкер Я. И. *Теория перевода и переводческая практика*.—М.: Международные отношения, 1974.—215 с.
- Швейцер А. Д. *Перевод и лингвистика*.—М.: Воен. изд-во, 1973.—279 с. Шрейдер Ю. А.
- Швейцер А. Д. *Вопрос об анализе грамматических явлений* -Тетради переводчика. - Вып. 1. - М., 1963
- Panzer В. *Kontextdetermination und Morphcmbedeutung*. Beitr. Sprachkunde und Informationsverarbeitung. 1965, № 7, p. 7—28.
- Rado G. *Otitline of a systematic Translatology Babel*, 1979, V. XXV, p. 187—196.
Reifler E. *Linguistic and Engineering Studies in Automatic Language Translation*. Report No RADC-TR-60-11. Univ. of Washington, 1960.—492 p.